

· ПЕТРОРОМАН ·

Црина Лобусова

Ариоза
королевы

Харьков
«Фоліо»
2017

ГЛАВА 1

*Парочка на берегу моря. Богатая жертва Маньки
Льяняной. Расправа с сообщником. Обыск — кукла
Машутки. Казнь Маньки*

ОДЕССА, 1876 год

Небо к вечеру почти полностью закрыли тучи, однако луну все же было видно — ее затянула какая-то сероватая темная пленка, сквозь которую пробивались красные отблески. То, что луна была окрашена в красный цвет, отмечали в первую очередь рыбаки, готовящие снасти к ночной ловле. Красноватые отблески тонули в спокойной воде. Это действительно было как-то странно: живущие на море знали, что в начале осени почти не бывает серьезных штормов, так что этот красный свет оставлял какое-то тревожное ощущение

от лунной дорожки. Когда же облака затягивали луну полностью, лунная дорожка тоже исчезала, и только красноватая дымка, похожая на разноцветную пыльцу, утопала в спокойных волнах.

Берег моря был пуст. Редкие парочки, в поздний час рискнувшие здесь прогуляться, переместились ближе к городу, где было не так пустынно и темно. Тем более, что за следующим поворотом пляжа, ведущим к Карантинной гавани, находилась целая полоса прибрежных ресторанов и кабачков. Открытые до рассвета, эти заведения привлекали клиентов вывешенными у входа яркими лампами. И развлекались там не только моряки, но и любители экзотики, которые в виде ночных прогулок вдоль моря в любой час ночи рисковали там отдохнуть.

Море было безмолвным. Казалось, полный штиль накрыл темные воды плотным, не пропускающим звуки покрывалом, под которым тревожно, застыв в ожидании, до поры до времени таится неизведанная, великая мощь. У темной морской воды ночью было страшно. Бесприютные глубины мрака вырастали в темноте, тающей за горизонтом. Особенно сейчас, когда луну на небе затанули плотные облака.

Но все это совершенно не испугало парочку, вдруг появившуюся в самом пустынном месте пляжа из темноты. Даже в такой мгле выделялись белокурые, светлые волосы женщины и белая шаль, наброшенная на ее плечи. Смеясь и пританцовывая, она тянула за собой спутника. Ее длинные волосы развевались по ветру,

а шаль, соскальзывая с обнаженных плеч, открывала белоснежную матовость кожи и соблазнительную полную грудь, с трудом помещавшуюся в глубоком декольте вечернего платья.

Сейчас, ночью, на берегу моря, женщина казалась русалкой, только что восставшей из пенной морской воды. Сходство было еще и в том, что, совершенно не боясь темнеющей бездны, она решительно тащила за собой спутника.

Спутник же ее, солидный господин средних лет внушительной комплекции, в сюртуке из дорогого сукна, с золотым пенсне, с трудом поспевал за своей наядой.

— Манечка, погоди... Передохнем немного, — в голосе солидного господина послышалась мольба, хотя он изо всех сил пытался ее скрыть.

— Нет, мой дорогой, чего ждать? Вот уже совсем скоро... На этих волнах... Я хочу слиться с тобой в вечности... — Приспустив в очередной раз шаль с плеча, белокурая красавица маняще повела грудью и бедром, извиваясь при этом всем телом.

Внезапно тусклый красноватый свет луны пробил-ся из-под облаков и отчетливо осветил лицо женщины. Ах как она была хороша! В самом расцвете молодости (не старше 20 лет), она была такой запоминающейся, прекрасной, что казалось — тонкие черты лица ее изваяны самым талантливым в мире скульптором, и такую красоту не способна произвести на свет обыкновенная живая женщина. Ее темно-голубые глаза

поражали томностью, а в изгибе полных губ таилось нечто настолько чувственное, что ни один мужчина не мог не понять этого сигнала первобытной страстности, древней, как сам мир. Длинные белокурые волосы придавали ей вид невинности и еще больше подчеркивали ее молодость. Она была прекрасна — как картина, созданная художником, но в то же время в этой красоте чувствовалась, пульсировала настоящая жизнь, а под кожей угадывался фонтан страстной, жаркой, южной крови, так сумасшедше действующий на мужчин, не живущих на южных морских берегах.

Правда, общее впечатление немного портило дешевое вульгарное платье, сразу показывающее, что обладательница его не относится ни к высшим, ни даже к состоятельным слоям общества. Но какой мужчина стал бы смотреть на платье при виде такой чувственной красоты? Платье было просто помехой, и солидный господин не видел его, не отрывая глаз от обнаженной кожи плеч и от глубокого декольте.

— Мы почти пришли, — красавица решительно потянула его за собой, а затем вдруг запела, отчаянно фальшивя: — Это мой каприз, всего лишь маленький каприз, любовь моя...

Солидным господином был купец из Пскова Петр Евдохин, приехавший в Одессу по коммерческой необходимости. Это был первый его визит сюда, и бурлящий город в буквальном смысле слова свел его с ума. Позабыв про дела (кстати сказать, с успехом состоявшиеся на Одесской бирже: он заключил такие выгодные

сделки, что результат превзошел все его ожидания), купец пустился во все тяжкие, открыв для себя соблазнительный мир одесских ресторанов, кафе-шантанов и публичных домов.

Позабыв про солидный статус семейного человека и отца шестерых детей, Евдохин принялся сорить деньгами в компании одесских кокоток, благо денег он заработал столько, что хватило бы и на Одессу, и на Псков.

Но, несмотря на такую развязность, купец все-таки свел в Одессе серьезные знакомства среди солидных людей. Он посещал приемы, светские балы и жертвовал деньги на благотворительность в компании официальных отцов города, которые всячески привечали любого богача, приехавшего в Одессу заниматься коммерцией, а значит, оставлять в городе свой капитал.

И вот однажды, находясь в модном ресторане в Сре-тенском переулке, купец был поражен в самое сердце молоденькой красоткой с длинными белокурыми волосами, которой одновременно удавалось выглядеть похожей и на распутную кокотку, и на непорочную гимназистку. Евдохин потерял голову. Девушка сказала, что ее зовут Марусей, и не отставала от купца ни на шаг, показывая ножки и немилосердно строя ему глазки.

Стремясь произвести впечатление на юную диву, купец повез ее на авто в самый дорогой ресторан на Дерibasовской. Каких только деликатесов не потребовала подгулявшая парочка! Самое дорогое шампанское

лилось рекой. Каждый раз, когда из бутылки выстреливала пробка, девушка хлопала в ладоши и заливалась счастливым смехом.

Одесская красавица сказала приезжему купцу правду — но не всю. Ее действительно звали Марусей — Марией Лежнич, но в Одессе она была известна под кличкой Манька Льняная: так ее прозвали за цвет и мягкость волос. Она была отчаянной девицей с богатым криминальным прошлым, которое никак не отражалось на ее миловидном личике.

Когда купец расплачивался в ресторане, он вытащил толстую пачку денег. У Маньки округлились глаза. И вместо того, чтобы повести Евдохина к себе или же пойти в гостиницу к нему, она потащила его к морю — кататься на лодке. Купец был совсем не против, как раз наоборот: это показалось ему невероятно романтичным, и он беспрекословно последовал за своей дамой, которая отлично ориентировалась во мраке одесских пляжей.

Они остановились у самой кромки воды в сплошной темноте.

— Где же лодочник, душа моя? — удивился Евдохин, — ничего ведь не видно!

— А вот погоди! — Засунув два пальца в рот, Манька залихватски свистнула и пояснила: — Здесь часто за лодки катаются.

В тот же самый момент справа с зажженной керосиновой лампой к ним подошел молодой коренастый парень.

— Это Ванька Дюжий, лучший лодочник в городе, он нас покатает, — улыбнулась Манька. — Да ты не бойсь, вперед иди. Я за тобой.

Подчиняясь своей красавице, Евдохин решительно шагнул в темноту. Манька же, приотстав, бросила лодочнику какую-то, с точки зрения купца, невероятно странную и бессмысленную фразу:

— Гусь под завязку, шмарать за дно.

Но ответного кивка лодочника купец не увидел, так как уперся прямо в борт лодки, привязанной к деревянному колышку.

Манька первой легко прыгнула в нее. Евдохин и лодочник последовали за ней, и очень скоро стал отчетливо слышен тихий плеск весел по спокойной воде — лодка все дальше и дальше удалялась от берега. Лодочник зачем-то потушил лампу, и все трое снова оказались в сплошной темноте. Купцу это сразу не понравилось. Он заерзал на своем месте.

— Не далеко ли плывем, душа моя? Может, вернемся, пойдем в гостиницу?

В этот момент из-за туч показалась луна. В руке Ваньки что-то блеснуло. Купец не успел ничего понять. Быстро, отточенным жестом лодочник ударил его ножом в горло, и тот, хрипя в предсмертной агонии, повалился вниз, на дно лодки.

— Нож, адиёт... — поморщилась Манька, — много крови...

— Не бойсь, к утру отмою, — лаконично сказал Ванька и стал помогать ей шарить в карманах сюртука и штанов.

— Во гусь! Таки да, под завязку, — присвистнул он, раскладывая на скамейке толстые пачки денег, — такого за нас еще не было! Сколько же ты мне-то отвалишь? — взглянул он на Маньку.

— Не бойся, отвалю, — сухо ответила она, — отправь его на корм рыбам.

Лодочник достал из-под скамейки камень, обвязанный веревкой с одного конца, другой же привязал к ногам покойника. Затем столкнул труп за борт лодки, и от купца из Пскова Петра Евдохина очень скоро осталось лишь несколько кругов на темной воде, которые, к тому же, исчезли слишком быстро.

Ванька уверенно греб к берегу, не обращая никакого внимания на Маньку, которая, сидя на скамейке и обхватив руками колени, зло сверлила глазами его спину. Когда причалили, она, обогнув его, выпрыгнула первой.

— Лодку-то привяжи и мыть начинай, — скомандовала, — рассвет скоро.

Наклонившись над столбиком, лодочник принялся привязывать лодку веревкой. В этот самый момент Манька из-за отворота платья выхватила длинную шпильку и с силой вонзила ее в основание его шеи. Захлебнувшись кровью, Ванька упал лицом вниз. Манька быстро ударила его в горло еще два раза и перекинула труп в лодку. Кровь лодочника перемешалась с уже находившейся там кровью, образовав лужу, и было непонятно, где чья. Затем Манька собрала все деньги, снова